

УДК 904.25(477.65)“6383”

ЗОЛОТЫЕ УКРАШЕНИЯ ОДЕЖДЫ ИЗ МЕЛЬГУНОВСКОГО КУРГАНА

Оксана ЛИФАНТИЙ (Киев)

Статтю присвячено золотим апалікативним прикрасам одягу з Литоого (Мельгуновського) кургану ранньоскіфського часу. Автором запропонований варіант реконструкції частин церемоніального вбрання воїна: портупейного поясу та головного убору.

Ключові слова: Мельгуновський курган, золоті бляшки, скіфський Степ

В статті розглядаються золоті апплікативні украшения одягу з Литоого (Мельгуновського) кургану раннескифського времени. Автором предложен вариант реконструкции частей праздничного одяга воина: портупейного пояса и головного убора.

Ключевые слова: Мельгуновский курган, золотые бляшки, скифская Степь

The article is devoted to the golden appliques from the Litiy (Melgunovsky) kurhan of the Early Scythian time. The possible variant of reconstruction parts of the warriors' ceremonial suit is proposed.

Keywords: the Melgunovsky kurhan, the golden appliques, the Scythian Steppe.

Золотые апплікативные украшения одежды⁹ из скифских курганных аристократических комплексов, помимо костюмологического аспекта несут информацию о мировоззрении (орнаментальные мотивы), уровне развития торевтики, особенностях изготовления и даже о социальном статусе владельца.

Рассмотрено золотые бляшки, происходящие из Литоого (Мельгуновского) кургана – знакового комплекса раннескифского времени. Он был исследован в 1763 году, хотя, результаты работ были опубликованы Е.М. Придиком лишь в 1911 году [1]. Благодаря подробной публикации мы имеем полное описание вещей. К сожалению, во время Второй Мировой войны часть артефактов (в том числе 16 из 17 золотых бляшек в виде хищной птицы) была утрачена [2, с. 22]. Тем не менее, недавно, часть вещей, сохранившихся до нашего времени, были опубликованы на современном уровне в каталоге скифского собрания Эрмитажа [3].

Не смотря на фигурирование в названии работы слова “клад”, из текста становится понятно, что Е.М. Придик интерпретировал комплекс как погребение скифского вождя [1, с. 20]. Нельзя также исключать возможности того, что рассмотренный “клад” относился к кенотафу. В каменном ящике (?) кургана было найдено много ценных вещей, которые, вероятно, указывают на их принадлежность к воинскому мужскому набору. Это меч, стрелы, поясные бляшки и диадема. При этом, остатки табурета скорее всего соотносятся с персоной военачальника [4, с. 185].

⁹ В литературе чаще используется термин “бляшки” для обозначения этого предмета туалета. При этом, большое разнообразие в их исполнении иногда не позволяет отдельные украшения головных уборов называть бляшками (например, длинные пластины головных уборов). Следует также заметить, что по способу крепления подобные украшения были нашивными и могли приклеиваться к одежде (что подходит соответствует определению “аппликаций”). В связи со сказанным, термины “аппликация”, “апплікативное украшение”, “пластинка” и “пластина” вполне подходят для описания золотых украшений одежды скифской знати и могут использоваться в качестве синонимов к слову “бляшка”.

Золотые аппликативные украшения из Мельгуновского кургана представлено 17 экземплярами, изготовленными в технике штамповки з позднейшей гравировкой на лицевой стороне. Исполнены в виде стилизованной фигуры хищной птицы (Рис.1. 1). Их крылья округлены, голова повернута влево, лапы не выделены. После штамповки мастер прочертил линии, которые отделяли тело от крыльев и хвоста, обозначил угол на грудке и разделил каждое крыло на два сектора. На тыльной стороне каждой пластинки припаяно по четыре ушка для крепления. У двух птиц обрезано левое крыло чуть пониже плеча.

Следует отметить, что 16 бляшек были сделаны одним штампом, а одна – другим, более грубым, или же сработанным, что заметно не вооруженным глазом (это касается одной пластинки с обрезанным крылом). Этот исключительный, не аккуратно изготовленный экземпляр имел меньшую высоту (5,75см) и большую ширину (5см), тогда как все остальные – 6 и 4,5 – 4,75см соответственно. Кроме того, на нем имелось только два ушка для крепления, а не четыре.

Сложно судить о том, какая именно птица вдохновила мастера. Глубокий стилистический анализ этого изображения был недавно проделан Ю.Б. Полидовичем. Автор пришел к выводу, что это изображение не определенного вида, а сборный стилизованный образ рода орлов (*Aquila*) [5, с. 89]. Даже если предположить, что с помощью гравировки по телу птицы мастер передал особенности его окраса, сложно идентифицировать определенный вид. Ведь, как известно, даже у птицы одного вида он мог меняться с возрастом довольно сильно [6, с. 116]. Из-за исчерпывающего анализа, проделанного Ю.Б. Полидовичем, хотелось бы только выделить основные, наиболее яркие аналогии.

Подобный силуэт птицы представлен на Келермесском зеркале из курагна №4/Ш [3, с. 113]. Она изображена в полете, ее голова развернута в направлении движения. Похожие также стилистика изображения головы, хищная изогнутость клюва и округлость крыльев. Но, эта выгравированная птица имеет тщательно прорисованные перья. Возможно, таким способом мастер хотел передать какой-то определенный вид орла с контрастным окрасом, или же сделать изображение более реалистическим.

Наиболее похожее изображение по исполнению клюва, восковицы, глаза и грудки (опущенный угол), а также по отсутствию лап перед хвостом, находим на миниатюрных бляшках, расположенных на диадеме из Келермесса (Рис.1. 4). Отличаются лишь крылья, наполовину поднятые или сложенные¹⁰, которые на мельгуновских бляшках закруглены без выделения плеча. Келермесские и мельгуновские изображения почти синхронны – вторая половина VII ст. до н. е. То есть, для поиска корней

¹⁰ Некоторые птицы представлены на диадеме “в профиль” со сложенными крыльями.

изобразительной традиции, необходимы аналогии, предшествующие по времени.

Рассматривая более широкий ареал, находим синхронные схожие изображения головок птиц, а не полнофигурные, которыми украшали диадемы из Зивие [7, с. 116, Рис. 15 а-в.] На основе имеющихся аналогий, можно согласиться с Ю.Б. Полидовичем относительно того, что корни изображений хищных птиц мельгуновского типа тяготеют к Северо-Западному Ирану, что свидетельствует в пользу скифского происхождения мотива [5, с. 95]. Продолжение этой традиции Ю.Б. Полидович видит на бронзовых навершиях из Ульского кургана №2 (1909 г.) в Прикубанье, на крестоподобных бляхах из погребений 10/1912 некрополя Ольвии и кургана у хут. Дугино на Дону, на окончании зеркала из кургана 6 (1899г.) у с. Басовка в Посулье, на бляшке из Рисовского могильника в Прикамье и др. [5, с. 94 – 95].

К стилистически схожим можно отнести изображения хищных птиц на украшениях конской узды. К ним относятся бляхи из кургана 6 у с. Ковалевка Николаевской области [8, с. 41, рис. 24.]. Также аналогию находим на бронзовых украшениях конского убора из Нимфея [9, с. 35, рис. 91, 92.], на которых ярко выделена восковица и похоже закруглен клюв. Это создает выражение хищного “оскала”, если такой термин может быть применим по отношению к птицам. Возможно, приведенные примеры также свидетельствуют в пользу продолжения этой традиции в новом исполнении [7, с. 126].

В Причерноморье находим интересное оформление фигуры орла (?) в мотиве терзания им рыбы. Эта сцена по сюжету и манере исполнения хищника может быть отнесена к иной традиции. Сюжет терзания птицей рыбы изображен на золотой аппликации деревянного сосуда из кургана у сел Ромейковка и Петраковка и на пластине из кургана №8 у с. Песочин. Аналогичные сцены встречаются на аппликациях посуды на довольно широком пространстве ираноязычного мира [10, с. 359, рис. 18] и свидетельствует о иранских корнях этой традиции [11; 12]. Следует также отметить, что этот сюжет присутствует на монетах из Ольвии и Истрии [13, рис. 11. 18, 22; рис. 12. 7 – 8], хотя, это скорее тема для другого исследования.

Рассматривая мельгуновские бляшки, хотелось бы высказать предположение об их возможном расположении на одежде. Е.М. Придик склонялся к тому, что они были украшением верхней одежды, возможно, пояса [1, с. 17]. Позднее эта мысль была развита Е.В. Черненко [14, с. 65 – 66] и поддержана В.Ю. Мурзиным и С.А. Яценко [8, с. 19; 15, с. 54]. Аналогии, приведенные Е.В. Черненко, говорят о справедливости такого предположения. Так, к стилистически схожим образам можно отнести бронзовые бляхи в виде хищных птиц с курганов Г у с. Журовка и

Золотого, вблизи Симферополя (Рис. 1, 2, 3). Как известно, курган Г у с. Журовка датируется М.И. Артамоновым по самосскому сосуду VI в. до н. э. [9, с. 32]. Интересно, что несколько позднее в кургане №401 (475 г. до н. э.) [16, с. 296] Журовской курганной группы повторено уже в золоте такое же изображение на бляхе, которая была закреплена на конском налобнике [9, с. 33, рис. 31]. То есть, мотив оставался популярным на протяжении определенного отрезка времени.

Как было обосновано Е.В. Черненко, описанные бляхи украшали пояса. Известные аналогии в бронзовых украшениях указывают на определенную традицию декорирования поясов изображениями хищной птицы. Хотя известны примеры того, что этот образ использовался шире. Так, подобными изображениями были украшены и другие предметы туалета (зеркало, диадема и др.).

Кроме того, известны примеры украшения портупейных поясов бляхами с другими изображениями. Так, порытые золотом пояса *in situ* были найдены в нескольких погребениях. Первый было выявлено в кургане №1 у с. Аксютинцы. Пластинки пояса из этого погребения были украшены фигурой скифа, подпоясанного и вооруженного [14, рис. 34]. Второй зафиксирован в кургане 4/2 группы Страшной Могилы [15, рис. 34], где серебряные с позолотой бляхи украшены розетками. Также из насыпи № 3 группы Частых курганов, происходят поясные пластины, которые были украшены изображением грифона. Е.В. Черненко называл такие пояса парадными и относил их к третьей группе – портупейные пояса, покрытые фигурными бляхами [14, с. 64].

Если предположить, что все семнадцать мельгуновских птиц-бляшек размещались в одну линию, ее длина составила бы приблизительно 80 см. Но отсутствие потертости и повреждений на крыльях, указывает на то, что они были расположены не впритык. То есть, длина пояса могла быть большей. Археологические находки демонстрируют похожие параметры. Например, длина пояса из кургана №32 у с. Бобрица равняется 80см, а из Мелитопольского кургана – 90 см [14, с. 62].

Обращает внимание отсутствие левых крыльев на двух экземплярах. Это обстоятельство не совместимо с принципом симметричности в размещении украшений. Кроме того, только один “обрезанный” экземпляр был сделан другим или более сработанным штампом с неточным повторением размеров. Это может свидетельствовать в пользу того, что данное украшение было сделано позже, возможно, другим, менее умелым мастером, вместо потерянной, или же поломанной бляшки. Отсутствие симметрии в обрезанных крыльях также свидетельствует в пользу их функционального, а не орнаментального назначения. То есть, этот экземпляр с обрезанным крылом должен был располагаться именно в том месте, которое могло претерпеть деформации.

Как известно, скифы крепили к поясу меч и горит. Об этом свидетельствуют, например, иконографические данные: изображения скифов с поясных блях из кургана №1 у с. Аксютинцы [14, рис. 34] на чаше из кургана Куль-Оба [3, с. 190, 192 – 193], на золотом гребне из кургана Солоха [3, с. 130–139]. Из-за наличия в комплексе меча, стрел и застежки от горита, можно предположить, что имеем дело именно с украшениями портупейного пояса. В местах крепления к нему меча и горита, крылья птиц могли подрезать во избежание трения украшениями шнуров-завязок (рис.1. 5).

Если такое предположение, верно, то пояс с золотыми бляшками и плакированный золотом меч представляли цельную и величественную композицию. Образ хищной птицы символизировал солнце и царскую власть [17, с. 54 – 55, 60]. Одновременно, он воплощал определенные вкусы носителя, ведь, известно, что архаическое восприятие иранцами красоты отражалось в изображении именно хищных животных [18, с. 35]. Исполнение изображения в золоте подчеркивало солярную суть образа.

Следующим предметом из Мельгуновского кургана, который нас интересует, является золотая пластина со сложной изобразительной композицией. Ее длина составляет 11 см, а высота – 2,5 – 2,75 см. По описанию Е.М. Придика она была поломана на четыре части. Эта пластина окантована с трех сторон выпуклым валиком. С четвертой стороны она обломана. В валиках пробиты отверстия. Это указывает на то, что пластина крепилась на некую основу, возможно, на налобную ленту.

На обломке пластины изображены слева направо: 1) сидящая обезьяна, подпирающая правой передней лапой морду, а левой чешет спину; 2) две птицы друг напротив друга, клюющие что-то на земле которые были, интерпретированы как страусы [19, с. 59]; 3) одна птица (утка?) идущая направо (Рис. 2. 2). Эта пластина уникальна для комплексов украшений, происходящих из скифской Степи. Можно отметить качественное исполнение изображений на ней. Они, вероятно, оттиснуты с помощью штампа с позднейшей гравировкой.

Анализ персонажей, изображенных на пластине, сделан В.А. Киселем. Исследователь обратил внимание на то, что характерные для ассирио-вавилонского искусства персонажи (обезьяна и страус) исполненные с существенными отклонениями от канонов. Так, страусы изображены клюющими, что не фиксируется по ассирийским памятникам, а у обезьяны, сидящей в традиционной позе, изображена вторая лапа, чешущая спину. Подводя итог исследований В.А. Киселя, можно говорить о том, что пластина была изготовлена в VII в. до н. э. в центре, который пребывал под влиянием художественных традиций мастерских Ассирии и [19, с. 59]. Наиболее близкой аналогией изображениям птиц видим на золотом сосуде из Келермесса [3, с. 89 – 91]. Изображения водоплавающих птиц –

характерная черта изделий ближневосточного и греческого искусства. В.А. Кисель отметил, что по манере изображения они в большей степени относятся к последней [19, с. 59]. Значит, водоплавающая птица тут – единственный персонаж, в отличие от обезьяны и страусов, который имеет широкие параллели в ближайшем окружении [20].

Вероятная версия об использовании этой пластинки в качестве украшения головы была предложена Б.Н. Граковым [21, с. 127]. Со временем ее поддержал В.А. Кисель [19, с. 128]. Ведь, размеры изделия и загнутые края, по которым проделаны отверстия, указывают на то, что пластинка была частью длинной пластины от налобной ленты (метопиды). С учетом преобладания симметричного принципа оформления композиции в скифских, греческих и ближневосточных украшениях, а также расширения пластинки ближе к правому краю, можно предположить, что это обломок от левой части украшения налобной ленты. Длина в 11 см составляет половину ширины лба (приблизительно 20 см). То есть, вторую половину можно реконструировать зеркально. Скорее всего, пластинка крепилась на кожаную основу.

Интересно, что из этого же погребения происходит диадема в виде трех (возможно, изначально их было четыре) золотых параллельных шнуров, соединенных с помощью девяти розеток и застежек. Исследователи относят это украшение к мужским, сравнивая его с диадемами Келермесса [15, с. 54; 22, с. 170]. Хотя, как известно, последние имеют совсем другую конструкцию – они состоят из жесткой основы с наклепанными на нее деталями. Кроме, того на них присутствуют не только розетки, а и изображения хищных зверей (птиц и грифона). Верную аналогию в пользу собственно мужской принадлежности диадемы из Мельгуновского кургана нашли С.С. Бессонова и Л.С. Ключко – барельеф из Малатии, на котором изображен царь Ману Тарахунази [23, с. 38; 24, с. 32].

Тщательный анализ описанного украшения был проведен В.А. Киселем, в результате чего исследователь пришел к выводу, что диадема служила украшением головного убора (башлыка). Следует отметить, что он не исключал ношения ее, закрепленной на налобной ленте [19, с. 50 – 52]. Изображений скифов с налобной лентой на голове известно довольно много (на обкладке горита из Солохи, кубке из Куль-Обы, пекторали из Толстой Могилы), хотя все они относятся к позднему времени.

Поскольку в комплексе Мельгуновского кургана не зафиксировано головного убора, а тем более шлема, можно предположить, что диадема и налобная лента украшали непокрытую голову (Рис. 2, 1). В этом контексте можно вспомнить описанную в поэме Валерия Флакка двойную ленту, которую носил скифский воин Авх [Val. Flacc. Argon. VI. 50 – 68].

Косвенным примером в пользу ношения двойных начельных украшений может свидетельствовать находка в кургане Куль-Оба. Как известно, на острове погребенного был зафиксирован башлык из тонкого войлока, который опоясывали два лентоподобных обруча из листового золота с рельефным изображением [9, с. 62].

Вполне возможно, что мельгуновские украшения располагались параллельно одно над другим, опоясывая голову. Если наше предположение верно, то они составляли единый комплекс. И тем самым создавали два фриза: растительный, который репрезентовала диадема с расположенными на ней розетками, и зооморфный, представленный изображениями на налобной ленте. С таким расположением, центром композиции была бы самая большая розетка с каменной вставкой на диадеме, в направлении которой следуют водоплавающие птицы на пластине.

Итак, на основе выше сказанного, можно предположить, что золотые бляшки из Мельгуновского кургана были частями двух разных деталей мужского костюма. Золотые бляшки в виде птиц украшали пояс, а золотая пластинка могла быть частью головного убора. Подобный образ видим на реконструкции одеяния погребенного из Толстой Могилы [25, рис. 13].

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

1. Придик Е.М. Мельгуновский клад 1763 года // МАР. – №31. – 1911. – 24 с. + 5 табл.
2. Бабенко Л.И. К истории предметов из Литого (Мельгуновского) кургана // РА. – №3. – 2012. – С. 20–27.
3. Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа –СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. – 2012. – 272 с.
4. Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Мебель из скифских погребальных комплексов //Боспорские исследования. – Вып. XXVIII. – Симферополь-Керчь, 2013. – С. 159–210.
5. Полидович Ю.Б. Мельгуновский тип изображения птиц в скифском искусстве (к вопросу о начальном этапе формирования “звериного стиля” // Иранский мир II-I тыс. до н. э. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского. 2-3 декабря 2013 года. – Вып. VI. – М., 2013. – С. 89 – 100.
6. Ганзак Ян Иллюстрированная энциклопедия птиц/ Перевод Е. Фиштейна под редакцией И.А. Нейфельдт и П.М. Позднышева. –Прага.: Изд-во Арттия, 1974. – 582 с.
7. Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. – М.,1992. – 258 с.
8. Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. – К.,1984. – 134 с.
9. Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. – Прага – Л.: “Арттия”, “Советский художник”, 1966. – 120 с.
10. Полидович Ю.Б. Хищник и его жертва: выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурно-семиотическое исследование в археологии. – Том 3. – Донецк, 2006. – С. 355 – 398.

11. Канторович А.Л. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля степной Скифии// Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР. – № 1. – М., 1997.
12. Королькова Е.Ф. Иконография образа хищной птицы в скифском зверином стиле VI-IV вв. до н. э.// Проблемы археологии. – Вып.4. – СПб., 1998. – С. 166–178.
13. Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. – К.: Наукова думка, 1988. – 168 с.
14. Черненко Е.В. Скифский доспех. – К.: Наукова думка, 1968. – 190 с.
15. Яценко С.А. Костюм Древней Евразии (ираноязычные народы). – М., 2006. – 658 с.
16. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII – IV веков до н. э. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 416 с.
17. Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индосарцев // Скифо-Сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976. – С 52 – 65.
18. Хазанов А.М. Золото скифов. – М.: “Советский художник”, 1975. – 144 с.
19. Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. – СПб: Петербургское востоковедение, 2003. – 192 с.
20. Клочко Л.С. Образ водоплавающего птаха на декоративных элементах скифского костюму // Музейні читання. Матеріали наукової конференції “Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки” 9–11 листопада 2009 р. – К., 2010. – С. 55 – 73.
21. Граков Б.Н. Скифы. – М.: МГУ, 1971. – 202 с.
22. Клочко Л.С. Чоловічі головні убори на землях Скіфії// Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого. – Киев-Полтава, 2010. – С. 167 – 183.
23. Клочко Л.С. Скифские налобные украшения VI-III вв. до н. э.// Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. – К., 1982. – С. 37 – 53.
24. Бессонова С.С. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. – К.: Нукова думка, 1990. – С. 17 – 39.
25. Черненко Е.В. Оружие из Толстой Могилы // Скифский мир. – Киев, 1975. – С. 152 – 173.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лифантий Оксана Валентиновна – аспирант Национального университета “Киево-Могилянская академия”, лаборант Полевого комитета Института археологии НАН Украины.

Научные интересы: золотые украшения одежды скифского времени, греко-скифская торевтика Северного Причерноморья.

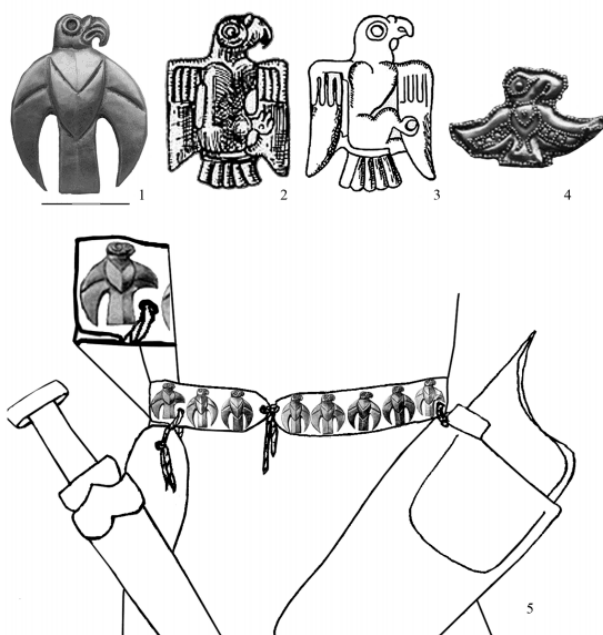

Рис. 1. 1 – Мельгуновский курган. 2 – курган Г у с. Журовка. 3 – Золотой курган у Симферополя. 4 – фрагмент диадемы из Келермесса. 5 – реконструкция пояса из Мельгуновского кургана.

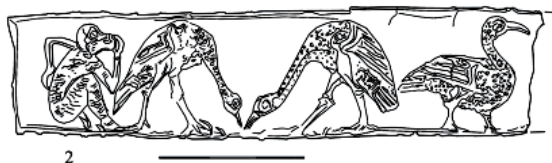

Рис. 2. 1 – реконструкция начельных украшений из Мельгуновского кургана. 2- пластинка из Мельгуновского кургана.